

Анастасия Климова

Циферблат

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3-93
ББК 83.8
К49

Климова А.

Циферблат / Климова А.; худ. Грошева С. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 119 с.

ISBN 978-5-532-97881-2

В жизни шестиклассника Димы наступает настоящая "чёрная полоса" - его буквально преследуют неприятности. Разбитый телефон уже не починить, зачет по истории заканчивается позором, а травма не даёт принять участие в важном футбольном матче. Всё меняет маленькая монета, найденная во время прогулки в парке. С ней Дима может перемещаться во времени и проживать дни снова и снова, пока они не станут идеальными. Теперь он может переписать сложную контрольную, пробить еще раз важный пенальти и легко завоевать расположение самой красивой девочки в классе. Но есть ли у этого волшебства предел? И все ли ошибки можно исправить?

ISBN 978-5-532-97881-2

© Климова А., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	19
5	23
6	29
7	33
8	42
9	50
10	59
11	67
12	71
28 апреля, воскресенье	72
29 апреля, понедельник	73
1 мая, среда	74
2 мая, четверг	75
3 мая, пятница	76
4 мая, суббота	77
6 мая, понедельник	78
7 мая, вторник	79
11 мая, суббота	80
13	81
14	87
15	93

16 97

17 106

18 114

– Мальчики, вы меня очень выручили, спасибо огромное! Концерт вам непременно понравится! – Эмма Владимировна покрепче схватила огромную сумку со сложными, не поддающимися расшифровке узорами (кто-то однажды говорил, что там нарисованы птицы, но я никогда не мог их толком разглядеть) и помчалась в сторону учительской.

С тех пор прошёл уже час. Или даже полтора. Я не запомнил точно время. Я знал только, что количество исполненных номеров уже давно перевалило за десяток. И вот теперь какой-то седовласый дедушка долго устраивается на сцене с балалайкой и широко улыбается. Кажется, готово. Взмахнул рукой...

– Пошли отсюда, – Мишка схватил меня за рукав. – Я ещё поиграть, между прочим, хотел. У меня в семь часов блокировка на компе включится.

Я удивлённо поднял брови, а сам полез в карман за смартфоном.

– Да мама поставила... Чтоб я вовремя делал уроки. Так мы идём?

17:13. И три сообщения от мамы. Сестра останется одна на продлёнке и точно расстроится. Будет смотреть на меня грустными-прегрустными глазами и вызывать чувство вины. А я очень не люблю это чувство. Оно какое-то давящее. Как будто хочет пригвоздить тебя к земле.

Как назло, мы зачем-то сели в самой середине, да ещё и в седьмом ряду, не так уж далеко от сцены. Песня дедушки никак не хотела заканчиваться, будто не имела конца и была написана в те времена, когда у людей было очень много времени, а все страдания рода человеческого изливались в длинных сагах. Просто от скуки. От нечего делать. Мне бы даже для того, чтобы всё это разучить, было времени жалко. А дедушка этот прямо светился от счастья. Может, очень хотел выступить.

Пока актёрский зал дружно хлопал, мы протиснулись к выходу и, высматривая учителей, выскользнули за дверь. Кажется, нас заме-

тил только информатик, но ему всегда всё равно. Обожаю учителей, которым всё равно. Только на них этот мир ещё и держится.

На первом этаже скучал Никитка: то и дело поправлял очки и листал какую-то толстенную книгу. Видно было, что книгу он уже прочёл несколько раз от корки до корки, выучил каждый абзац наизусть, ничего нового для себя не почерпнул и страдает от отсутствия новых знаний. Увидев нас, он захлопнул том и вскочил.

– А чего вы тут так поздно?

Мы с Мишкой влетели в раздевалку и принялись на ходу переобуваться.

– Шли мы, значит, домой, – Мишка балансировал на одной ноге, помогая себе руками, – а потом встретили Эмму Владимировну. И узнали, что сегодня у нас проходит благотворительный концерт. Какие-то таланты со всего района приехали в нашу школу, чтобы показывать своё творчество. Пришлось на это творчество смотреть.

Я громко засмеялся.

– А потом прошёл час. И два. И три. А талантов всё не было. И творчества не было. И мы поняли, что ещё десять минут и мы будем горько сожалеть, что растратили свою жизнь так бездарно и глупо.

Я поднял голову и встретился с Мишкой глазами. Потом мы посмотрели на Никитку. А потом все втроём засмеялись. И смеялись минуты две, пока, застегнув куртки и хлопнув карточками по турникетам, не вывалились на улицу.

Никитку мы оставили у ворот – мама должна была приехать с минуты на минуту, чтобы возить его на какой-то очередной умный фестиваль. Иногда мне кажется, что из него мог бы получиться отличный парень, если бы он прогнал из своего бытия это страшное слово – «наука».

Я снова вытащил телефон. 17:30. Сестра меня убьёт.

– Давай бегом? – я повернулся к Мишке. – Надо через парк и к 77-й. А потом уже домой. А то Маринка заждалась, наверное. Ей же тоже домой хочется.

Мишка кивнул, и мы побежали.

В городе начинался апрель. Входил в свои весенние права и каждый день убирал с улиц всё больше зимнего и ненужного. Солнце

уже грело, кое-где была видна зелёная трава, и было так здорово понимать, что приходит тепло. И что май впереди. И лето впереди. И вот сейчас ещё немного, и можно будет бегать в футболке.

Мы промчались по скользкой дорожке, я чуть не споткнулся, но вовремя переместил вес на другую ногу. Рюкзак мешал и бил по плечу. Мишка начинал пыхтеть – с его весом непросто перемещаться так же быстро, как я. Хотя виду он никогда не подаёт.

Мне нравится наш район – это настоящая Москва. Не какие-то спальные районы с одинаковыми домами серого цвета, а здания, каждое из которых не похоже на соседнее. И узкие улочки. И дух старины. И много ещё такого, что нужно просто чувствовать. Просто хватать на бегу и жадно впитывать. Город куда-то несётся, и ты несёшься вместе с ним. И получается, что вместе. В одном направлении.

– Дима-а...

Мишка странно это крикнул, громко, пронзительно. И визгливо как-то. Я сначала не понял даже зачем. А потом в одну секунду повернул голову направо и увидел этот несчастный велосипед. И большую красную куртку. И глаза, такие круглые, испуганные.

Мишка затормозить успел, а я нет. Шарахнулся вправо, ударился спиной о стену. Показалось даже, что посыпались какие-то камни. И всё равно увернуться не смог – царапнуло по ноге, так больно, что визжать захотелось. А потом был звук чего-то падающего. И звон. Как будто хрустнула ваза.

Я мотал головой секунды две. Мишка за это время уже успел развить активную деятельность.

– Пацан, ты больной? Ты куда вообще едешь? Дорожка с другой стороны! Слабо там, не знаю, по сторонам смотреть?

Я сел и осторожно положил руку на колено. Опускать взгляд не хотелось. Стянул с плеча рюкзак – спина вроде цела. По крайней мере, пошевелиться могу.

– Встаёшь или как? – Мишка пыхтел на весь переулок. – Нет, ну надо же! Шли себе люди и шли, по своим делам. А тут ты. С ума сойти!

Я встал, потом медленно опустился на корточки, подходить к ним не хотелось. Голова гудела, и мир стал почему-то нечётким. Нет, с глазами всё было хорошо, просто этот переулочек из знакомого и изученного вдоль и поперёк превратился во что-то непонятное. Неоформленное. Чужое.

– И хорошо, если сломал, уроком будет, – раскатистый бас звенел уже у меня над ухом. – Димка, ты как?

Я кивнул. Да хорошо всё.

Мальчишку я так и не рассмотрел как следует – красная куртка ещё пометалась около больших чёрных колёс, потом подняла велосипед за руль и скрылась за углом, испуганно оглядываясь на нас.

Я сделал усилие и отнял ладонь. Джинсы порваны. Да так, как будто кто-то резал острым ножом. Под ними царапина. Огромная. На ладони остался тёмный след от крови. А ведь через неделю снова начинаются футбольные тренировки. И как я буду играть? Почему-то эта мысль показалась сейчас очень важной.

Я попробовал встать. Вроде ничего не сломано. Нога болела, конечно. Теперь скорость меня как пешехода, вероятно, снизится в разы. Мишка пошутит бы как-то так.

– Ничего себе! Ты видел? – Мишка метнулся куда-то вправо.

Я повернулся к нему и увидел то, что всё это время какой-то тревогой грызло изнутри. Папин смартфон. Точнее, то, что от него осталось после падения и встречи с какой-то острой железкой. Может, с велосипедом, восстановить подробности приключений пятиминутной давности я почему-то не мог.

Мишка присел возле того, что раньше было телефоном.

– Знато его... А если попробовать включить?

Он осторожно потрогал осколки.

– Нет, мертвец он. И ремонтировать дороже, чем новый покупать... Так всегда.

До школы мы ковыляли ещё минут тридцать. Я приноровился шагать так, чтобы болело как можно меньше, но скорости это не прибавило. На первом этаже сидела расстроенная Маринка и ковыряла пальцем жвачку, прилепленную к стулу.

– А я маме скажу, что ты опять за мной не зашёл. Это потому, что ты никогда ничего не планируешь. Нам сегодня Елена Владимировна рассказывала про распорядок дня. Вот если его нарисовать и учиться по нему, то ничего такого не будет.

– Маринка, это скучно, – Мишка улыбнулся, понимая, что мне отвечать сейчас совсем не хочется. – Тот, кто живёт по распорядку, бесцельно гробит лучшие дни своей жизни. А жизнь у тебя одна, между прочим, – он нахлобучил ей на голову кепку.

Ко мне домой мы шли вместе – Мишка жил на соседней улице и считал, что сделать лишнюю тысячу шагов крайне полезно. Мне поэтому и было с ним всегда хорошо – в трудную минуту он оставался рядом до последнего. Маринка бежала впереди и старалась не наступать на маленькие замёрзшие лужицы.

– И как он выскочил... – Мишка задумчиво потёр пальцем лоб. – Всё ж было хорошо. Шли себе и шли. Просто разорвал своими колёсами всю линейность выстроенного дальше вечера. А я хотел ещё поиграть. Не у себя, так к тебе зайти. Но не пойду.

– Да уж, – я остановился у подъезда. – Лучше не стоит.

2

– Итак, что мы имеем, – папа опустил на стул и отодвинул в сторону сахарницу. – Я дал тебе телефон, чтобы ты мог делать фотографии для школьного проекта.

Мама пристально рассматривала коленку, от ваты шёл неприятный резкий запах.

– Так? – папа сцепил пальцы. Костяшки побелели. – Мне нужен какой-то ответ.

Я кивнул. Поднимать голову не хотелось. Смотреть на ногу, впрочем, тоже. Рана неприятно саднила, хотелось зажмуриться и перенестись куда-то очень далеко. За тридевять земель.

– Ты этот телефон разбил. Не знаю, что там у тебя произошло, но восстановлению он явно не подлежит.

Сквозь коленку прошла острая боль, я ойкнул. Мама принялась дуть на больное место.

– Игорь, ладно тебе. Случилось и случилось. Всё бывает. Жалко, что новый. Но что тут поделаешь...

Я наконец поднял голову и посмотрел на папу. Брови нахмурены, на лбу проступила суровая жилка. Я редко видел его таким и знал, что ничего хорошего не последует.

– Он взрослый человек, а взрослые люди отвечают за свои поступки. И стараются сделать так, чтобы ничего подобного не случилось.

Я не выдержал и вскочил.

– Не всегда и не все поступки зависят от нас! Я не мог знать, что там поедет этот велосипед! И вообще... это не я, это просто что-то вмешалось. То, что от меня не зависит.

Коленка снова противно заныла. На глазах выступили слёзы. Папа смотрел на меня с состраданием и одновременно сурово, и от этого было вдвойне неприятно.

– И кто же, интересно, вмешался? Вселенная? Судьба? Кто? А может быть, нужно быть внимательнее и не носиться по улицам? Вот куда ты спешил?